

Любимый Гвидо может спать спокойно

Культура. — 1997. — 17 апр. — С. 13

Почти десять веков итальянский теоретик Гвидо д'Ареццо спал спокойно в своем склепе, совершенно уверенный в том, что он осчастливил музыкальное человечество изобретением прототипа нотного стана. И вот на исходе второго тысячелетия у него объявился конкурент, вознамерившийся совершить революцию в системе нотной записи. Бывший джазмен, бывший саксофонист, бывший педагог музучилища Виктор Алексеев решил, что композиторам и исполнителям пришла пора вообще обходиться без нотного стана — музыка любой сложности может быть записана на листе обычной бумаги и гораздо компактнее.

КУРЬЕЗ?

Евгений НАДЕИНСКИЙ

Девятая симфония Бетховена, к примеру, из толстого тома партитуры может запросто трансформироваться в узкую бумажную ленту с нанесенными на ней специальными знаками. Над изобретением системы этих знаков Алексеев работал около 20 лет и отправился по миру с целью ее популяризации в музыкальных кругах Израиля, США, Швеции, Финляндии и России. В системе Алексеева сто знаков, позволяющих, по утверждению рекламного проспекта, "записывать любую звуковую информацию с любой степенью точности": не только ноты, но и голоса природы, даже индивидуальную интонацию любого исполнителя. Демонстрируя свою систему в Московской консерватории, изобретатель показывал на многочисленных схемах, диаграммах и чертежах, каким образом обычная нотная строчка с записью немудрящей песенки

может превратиться в хитрую вязь значков, обозначающих высоту, протяженность, динамику, гармоническую функцию такта. К сожалению, пояснения автора носили расплывчатый характер, были многословны, изобиловали отступлениями, а главное — остался непонятным практический смысл новшества. Наверное, можно научиться записывать композиторские описания на обычной бумаге, но зачем? Что касается записи индивидуальных интонаций любого конкретного исполнителя, то она осталась вообще за гранью понимания из-за сложной системы координат, расположенных по вертикали и горизонтали, — это требует специальных математических знаний.

Более привлекательной оказалась возможность записывать музыкальные произведения со словами на любом языке мира. Автор рассказывал, как мучаются в Израиле любители популярных песен с различными сборниками: тексты на иврите пишут справа налево, а музыке — наоборот, поди разберись с этой головоломкой. А иероглифическая письменность в

ряде азиатских стран и вовсе вертикальная: как подставить слова к нотам? Система знаков Алексеева, если верить проспекту, позволяет унифицировать запись любой музыкальной культуры мира, поскольку каждый знак содержит вроде бы текстовую информацию вкупе с музыкальной. Скептическое "вроде бы" ставлю потому, что практического подтверждения этого раздела своего изобретения автор не представил.

Пожалуй, наиболее действенной система знаков может оказаться в записи музыки для слепых. Как известно, слепой читает текст и музыку пальцами по системе Брайля — многие, наверное, видели эти большие фолианты с выпуклыми обозначениями на страницах. Алексеев утверждает, что его система знаков втрое упрощает запись и чтение музыки.

В рекламном проспекте объявлено также о рождении нового поколения "интернационально-многозвучковых клавишных инструментов". Правда, поверить в их достоинства мы должны априорно, поскольку из рассказа изобретателя можно было понять, что эти инструменты существуют пока лишь в его воображении по причине международных патентных сложностей.

Словом, как бы ни был интригующий проект Виктора Алексеева, каким бы авторитетным ни выглядел список его рекомендатель, арендаторский реформатор Гвидо может спать спокойно: изобретенная им нотопись будет еще долго служить верой и правдой музыкальному человечеству.